

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

И.А. Айзикова

В.А. ЖУКОВСКИЙ – ИДЕОЛОГ И ПРАКТИК ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ К К.К. МЁРДЕРУ)

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
в рамках научного проекта № 18-012-00113.*

На материале, в том числе архивном, писем В.А. Жуковского 1826–1833 гг. к коллеге и соратнику по воспитанию великого князя Александра Николаевича Карлу Карловичу Мёрдеру рассматривается вопрос об институциональной значимости педагогической деятельности первого русского поэта-романтика, его стратегий поведения в этой сфере, обретших статус институциональной нормы и сложившихся в традицию. Обосновывается методологическое, историко-литературное и историко-культурное значение такого рода исследований.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; К.К. Мёрдер; великий князь Александр Николаевич; педагогическая деятельность поэта-романтика.

Педагогическая деятельность В.А. Жуковского привлекала внимание ученых с конца XIX в. Одним из первых к этой проблеме обратился П. Загарин [1]. Специальный труд посвятил Жуковскому – наставнику великого князя Александра Николаевича О.Ф. Миллер [2]. Далее последовали работы А.И. Кирпичникова [3], А.В. Красногородцева [4], Н.П. Степанова [5], священник Д. Ромашкова [6] и др., построенные на материале опубликованных фрагментов планов обучения наследника престола и некоторых конспектов Жуковского. После долгого, длиной почти в столетие, перерыва, возникшего в изучении данной темы по понятным причинам, к ней вновь обратились на рубеже XX–XXI вв. такие исследователи, как С.О. Шмидт [7, 8], П.М. Симиновский, Б.К. Тебиев [9]. Новый источниковедческий материал, связанный с придворно-педагогической деятельностью первого русского поэта-романтика, начал активно вводиться в научный оборот в 2000–2010-е гг. усилиями Л.Н. Киселевой [10], Д. Ребеккини [11–13], Э.М. Жиликовой, В.С. Киселева [14], Т. Гузаирова [15], Е.Э. Ляминой, Н.В. Самовер [16], священник Д. Долгушина [17–19], И.А. Айзиковой [20–23]¹. В этих работах была использована и новая методология в анализе педагогической практики Жуковского при дворе².

Однако исследования институциональной значимости педагогической деятельности Жуковского, его стратегий поведения в этой сфере, обретших статус институциональной нормы и сложившихся в педагогическую традицию, отсутствуют. Между тем такие исследования имели бы методологическое, историко-литературное и историко-культурное значение. Обратимся к этим проблемам на материале (в том числе архивном) писем Жуковского 1826–1833 гг. к генерал-майору, генерал-адъютанту, воспитателю Александра II Карлу Карловичу Мёрдеру.

По свидетельству современников, Мёрдер был «прирожденным педагогом, тактичным и внимательным. Правил его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека»

(из воспоминаний великой княжны Ольги Николаевны) [31]. Великий князь Александр Николаевич был искренне привязан к своему наставнику. П.Е. Подделкова в своей работе приводит фрагмент дневниковой записи Мёрдера, сделанной им во время болезни в сентябре 1832 г.: «Нездоровье мое послужило новым доказательством привязанности великого князя ко мне. Видя меня слабым и страдающим, он заливался слезами, и только силой могли отвести его от моей постели. <...> Мне сделалось дурно, великий князь был неутешен. <...> Его высочество навещал меня ежедневно по нескольку раз в день и осыпал меня всевозможными ласками <...>» (цит. по: [32])³. Письма Жуковского к Мёрдеру и другим лицам свидетельствуют о его высочайшем уважении и дружеских чувствах к соратнику и коллеге по воспитанию цесаревича.

В письме к императрице Александре Федоровне от 1 (13) июля 1826 г. Жуковский писал о Мёрдере:

Прежде всего скажу, что я бесконечно уважаю его за чистоту нравственных свойств; я убежден, что он принесет в будущем бесконечное благо своему воспитаннику; он уже во многом развил его чувства; он с полнейшим бескорытием любит его; он внушил любовь к себе, и дитя слушается его из привязанности, без всякого стеснения его воли, которую следует лишь направлять, не подавляя ее. Мёрдеру хорошо знаком детский мир; он сам отец; он уже руководил чужими детьми; у него твердый характер и, что весьма важно, безукоризненно ровный характер, что позволяет ему выполнять свой долг с постоянством и всегда так, чтобы это не было ни утомительно для него, ни тягостно для его воспитанника. Такой человек драгоценен, и мы весьма счастливы, что им обладаем [34].

В письме к ней же от 8 июля 1828 г. читаем о Мёрдере:

...я совершенно счастлив моим товариществом с моим почтенным, редким Мёрдером. Мы идем с ним к святой нашей цели рука в руку; еще не было между нами ни в чем разногласия. Его твердый характер и

прекрасное сердце дают всему ход спокойный и постоянный [35. С. 374].

Узнав о болезни Мёрдера, Жуковский писал А.И. Тургеневу 15/27 января 1833 г.:

Мёрдера заменить будет не можно; хотя он и не имеет образования европейского, но своим характером и твердым, здравым умом принес уже весьма много пользы великому князю. Такие люди, как он, сокровище при детях царских: благодаря ему (и мне) великий князь не потеряет уважения к людям [36. С. 270].

7 мая 1834 г. в «Северной пчеле» [37] без заглавия, в рубрике «Внутренние известия» была опубликована статья Жуковского, впоследствии названная издателями «Воспоминания о К. К. Мёрдере» [38]. Отчасти выполнявшая функцию некролога, она написана в русле романтической философии воспоминания Жуковского («Не говори с тоской: *их нет*; / Но с благодарностию: *были*»). В конце статьи Жуковский описывает картину смерти Мёрдера и раскрывающую ее подтекст сцену «первой присяги на жизнь земную» наследника русского престола, ученика К.К. Мёрдера [39. С. 329].

Возвращаясь к поставленной в данной статье проблеме, считаем необходимым дать еще одну справку, касающуюся общих характеристик состояния русского общественного сознания второй половины 1820–1830-х гг., времени переписки Жуковского с Мёрдером. Разгром восстания декабристов и их идеологии в 1825 г. поставил точку в развитии целого ряда идейных течений преддекабристской поры, а вместе с ними и их периодических изданий, служивших платформой для печатного обсуждения идеологических и социально-политических проблем времени. Движение западников и славянофилов только-только начинает формироваться в 1830-е гг. В этой классической ситуации, точно определенной Ю.М. Лотманом как «уже не – еще не», основным носителем преобразований в России выступило государство. А. Мартин, рассуждая об идеологии в России в эпоху «Священного союза», утверждает, что граждане Российской империи могли участвовать в управлении государством, только находясь на «чиновной, военной или придворной службе, но в этой среде приходилось действовать в идейных рамках существующей системы, не обсуждая идеологические или даже государственные вопросы принципиального характера». Вместе с тем, по мнению ученого, эти вопросы могли подниматься «через литературу или журналистику, но там обсуждались – уже хотя бы по одним цензурным соображениям – главным образом отвлеченные, теоретические, далекие от злободневной политики темы» [40. С. 87–88]. Соглашаясь с данной мыслью, добавим, что попытки влиять на историю страны предпринимались и в области педагогики.

При отсутствии сформированных институциональных каналов коммуникации культуры и государства писатели, журналисты, нередко бравшие на себя обязанность педагогов, пытались получить доступ к опосредованному сообщению с властью, стремились «вписаться» в ее систему, войти в число ее доверенных лиц, наставников и руководителей. Конечно, деятельность представителей культуры, обратившихся к

области образования и воспитания, в таком контексте сводилась к высказыванию власти личного мнения, личных идей и предложений, к личным практикам, направленным на их реализацию. Но это способствовало в первую очередь расширению сферы социальной влияния культуры, литературы, а также сферы публичного в обстоятельствах автократии.

В свете сказанного особое значение приобретает изучение взглядов и стратегии В.А. Жуковского педагога, воспитателя наследника русского престола. Являясь одной из ключевых фигур русской литературы 1820-х – начала 1830-х гг., поэт явно претендует на роль идеолога и организатора, способного решать важнейшие проблемы русского общества постдекабристской поры, выстраивая определенным образом свою деятельность в разных сферах, в том числе в области придворной педагогики.

Реконструируем позицию Жуковского, поэта-педагога, на материале его писем к Мёрдеру, имея в виду высокую степень доверительности эпистолярных высказываний писателя, обращенных к единомышленнику в деле воспитания великого князя Александра Николаевича, будущего императора России. Прежде всего, отметим переходящую из письма в письмо мысль Жуковского о педагогической деятельности при дворе как исполнении высочайшего долга перед настоящим и будущим России, а также перед вечностью, перед Богом, что и укрепляет их союз с Мёрдером. Так, в письме от 1 (13) октября 1826 г. Жуковский квалифицирует занятия с наследником престола как «святое дело». Письмо завершается следующим образом:

В эту минуту я чувствую себя истинно счастливым: имею цель высокую, думаю об одном, занимаюсь одним, и впереди драгоценная сердцу деятельность. Чего более для жизни и каких благ еще можно искать в ней? Настоящей судьбы своей не променяю ни на какую другую. Я люблю сердцем свою должность! Люблю сердцем тех, к кому она меня привлекает. Ум в работе, чувство удовлетворено. Понимать ее и твердым шагом к ней стремиться – в этом вся жизнь! Могу ли чего еще желать? Одного благословения свыше! Да пошлет его Отец небесный [41. С. 328].

В письме от 19 (31) августа 1826 г. из Францбруна, куда Жуковский уехал лечиться, читаем:

Место, которое мы друг подле друга занимаем в этой жизни, должно утверждать и усовершенствовать нашу дружбу. Мы рука в руку идем к той цели, которая одна уже может составить высокое счастье для души высокой: быть верными товарищами на нашей святой дороге есть быть друзьями. Идти по ней нельзя без жаркого энтузиазма к добру, к пользе, ко всему, что есть прямо драгоценного в здешнем мире. <...> За Вас, как и за себя поручусь, что личная выгода никогда не замешается в нашу деятельность, что Вы действуете без самолюбия, без корысти и что всегда готовы пожертвовать собственным для успеха своего дела. Уверенность, что мы так действуем, и неутомимость в исполнении своего долга составляет для Вас, как и для меня, примерную награду нашу и в то же время нашу независимость от всего случайного. Это наше неотъемле-

мое. Успех принадлежит не нам; он во власти Провидения. Ему и предоставляем его. Да благословит Оно истинность нашего рвения [41. С. 321].

Или в письме от 10 января 1827 г.:

Слово «счастье России» великое слово. Оно для нас с Вами особенно представляет главную цель наших мыслей и нашей деятельности: надобно, чтобы душа нашего великого князя получила всю способность, которой суть вложила в нее природа, для постижения всего великого смысла этого слова. Поневоле возьмет страх, когда подумаешь о необходимой обязанности, которая теперь лежит на нас. Поистине может успокаивать нас только мысль, что мы истинно, бескорыстно будем стремиться к этой цели, забыв все собственное, уничтожив самое самолюбие с готовностью на великое пожертвование [Там же. С. 328].

В письме от 11–23 января 1833 г. Жуковский весьма показательно описывает результат своих с Мёрдером трудов:

Вы уже и теперь можете смело стать на суд перед людьми и перед Богом; никакое место, конечно, не было столь совестно, столь чисто занято, как Ваше Вами; все то, что Вы могли сделать с совершенным забвением самого себя, сделано; а что сделано, то весьма много: наш великий князь сохранил младенческую чистоту души своей; он испытал в Вашем лице благодетельное действие бескорыстной любви и научился платить любовью за любовь; с колыбели своей видел он подле себя человека, который может всему предпочитать долг, далек от расчетов корысти, непреклонен, когда дело идет о святыне чести и справедливости: он привык уважать людей в лице того, кто их перед ним представляет. В этом случае и себя присоединяю к Вам, ибо имею право думать, что и ко мне имеет он это, столь нужное душе его, уважение [42. Л. 50] (тексты писем из РО ИРЛИ подготовлены В.С. Киселевым. – И.А.).

Деятельность Мёрдера в области воспитания наследника престола получает из уст Жуковского не просто очень высокую оценку, она сакрализуется, ей придаются высшие смыслы, она оценивается возможностью предстать перед Судом Бога (собственно здесь дается и самопрезентация Жуковским своего вклада в «святое дело» воспитания будущего монарха России, что, как известно, весьма характерно для концепции жизнестроительства поэта).

К.К. Мёрдер был полностью солидарен с Жуковским в понимании высокого предназначения своей педагогической миссии при дворе. П.Е. Подделкова приводит фрагмент письма Мёрдера к жене, который, услышав от Николая I, что он спокоен за своего сына, так как великий князь Александр Николаевич находится в надежных руках, писал ей: «Вот, мой друг награда, которую ни за что в мире не променяю. Если даст Бог услышать через 10 лет от государя: «Сын мой был в хороших руках, он человек, какого я желал в нем видеть», – тогда счастливее меня не будет человека. Государь дал мне то, что для меня и целой России есть драгоценнейшего – сына, наследника престола. Да поможет мне Бог исполнить мое великое дело и я

покойно сойду с вышины, куда непостижимая десница возвела меня» (цит. по: [32]).

Любопытно отметить, как в связи с этим трактуется часто поднимаемая в письмах тема здоровья Жуковского и Мёрдера, неизменно переплетаемая с темой «святого дела» и выполнения высокого долга. Так, рассуждая о необходимости продолжить свое лечение за границей, что потребовало оставить занятия с великим князем, Жуковский пишет Мёрдеру 19/31 августа 1826 г.:

...мне велят непременно возвратиться будущую весною в Эмс и решительно запрещают ехать на зиму в Петербург. Сначала я не мог и вообразить себе этого возможным, но теперь вижу, что это неизбежно. Я должен вернуть здоровье, без него я ни на что не буду годиться. Что если возвращусь на старое? Не отниму ли у себя всю возможность (и навсегда) действовать так, как должно. Почитаю великим счастьем, что беда случилась со мною в начале моей работы. Теперь еще мне можно отлучиться! Но что если бы я был на половине своей дороги? И что если возвращусь не долечившись и снова впаду в мое несчастное бессилие? Тогда надобно будет от всего отказаться и сказать навсегда прости счастью [41. С. 323].

И ниже:

...несчастливая необходимость велит мне остаться, я должен для пользы нашего дела выгнать из себя болезнь, иначе возвращусь только для того, чтобы снова впасть в нее и сделаться неспособным продолжать начатое. А это одно и ужасает меня. Жалею не жизни, а того, что теперь составляет главную ее цель [Там же. С. 325].

Или в письме, написанном не позднее 20 января 1833 г.:

...то, о чем я теперь хлопотать обязан, это здоровье, эта жизнь, принадлежит великому князю; не имею права отдать их на произвол случая: я должен исполнить все, что мне предписывает необходимость, дабы избежать нареkania совести [42. Л. 56].

Письма Жуковского к Мёрдеру 1832–1833 гг. во многом посвящены теме здоровья последнего. Оно беспокоит поэта не только как друга Мёрдера, но и в связи с достижением ими высокой цели: «Уведомьте меня хорошенько о ходе Вашего здоровья: признаюсь, известие о Вашей болезни меня жестоко испугало; Вы мне дороги по всем важнейшим отношениям жизни; сохрани Вас Бог и для нашего общего святого долга, и собственно для меня, который привязан к Вам неизменною дружбою», – пишет он в письме от 5/17 ноября 1832 г. [42. Л. 47 об.]. В письме от 11–23 января 1833 г. вновь читаем:

Письмо Ваше огорчило меня весьма описанием Вашей болезни. Мое сердце болит Вашим. Сохрани Вас Бог, мой милый друг; говоря это, я эгоист. Мне Вы необходимо надобны, сколько для моей к Вам нежной дружбы, столько и для успеха нашего общего дела [Там же. Л. 50].

Получив письмо от Жилля «с печальным известием» о здоровье Мёрдера, Жуковский вновь пишет Мёрдеру в начале февраля 1833 г.:

Грущу об Вас, мой бесценный Карл Карлович, не потому единственно, что мне жаль великого князя, что польза его для меня выше всего, но и потому еще, что Вы для меня Вы; мне Вы дороги как друг, с которым я в главном деле жизни живу заодно, которого мне легко и сладко любить, который знает меня и любит. Мне жаль в Вас собственной моей драгоценности. Между тем, несказанно меня тревожит и нарушение установленного нами порядка во всем, что касается до великого князя: он необходимо должен произойти от Вашего удаления. Назначив на место себя Кавелина, Вы как будто знали и мою мысль: благородный характер Кавелина должен Вас успокоить. Но из Жиллева письма вижу, что Кавелин не беспрестанно с великим князем, что он только в некоторые часы с ним бывает. Какое же будет средство иметь он, чтобы узнать в<еликого> к<нязя>? чтобы его с собою сблизить и самому с ним сблизиться? чтобы приобрести его доверенность и овладеть его уважением и покорностью, одним словом, чтобы дойти до того, чтобы в<еликий> к<нязь> хотя отчасти имел к нему то чувство, какое он имеет к Вам, отчего произошло для него столько нравственного добра? А это главное [42. Л. 57].

Важно при этом отметить не только горячее желание Жуковского изменений в России, во имя чего он, писатель, определявший лицо русской литературы, решил заняться воспитанием будущего монарха России, но его искреннюю надежду на то, что эти изменения произойдут не революционным путем, а мирными преобразованиями, происходящими по инициативе и при поддержке государя. Неслучайно, в письмах к Мёрдеру лейтмотивом проходит мысль о желании государя преобразовать Россию и плодотворном сотрудничестве поэта и власти в деле воспитания будущего российского монарха. 10 января 1827 г. он пишет Мёрдеру:

Другой источник успокоения и поощритель в деятельности есть мысль о государе. Черта его, которую Вы мне сообщаете, порадовала меня; можно действовать, когда отец государь так доступен и верит тем, на кого возложил такую святую должность. Он не потребует от нас, чтобы мы когда-нибудь действовали вопреки своему убеждению. Без полной, святой свободы нет возможности действовать полезно. Государь это знает, он видит в нас людей, которых главная цель не быть угодниками; а просто действовать для добра и пользы, без всяких посторонних видов. Я уже знаю на опыте, с какою свободой можно сообщать ему свои мнения и как он доступен всему, что сказано прямо и от сердца. Это открытие сделал я с тех пор, как он на троне. Мы можем свободно идти к своей цели: в нем найдем постоянного помощника [41. С. 329].

5/17–10/22 ноября 1832 г., в связи с рождением великого князя Михаила Николаевича Жуковский писал Мёрдеру:

На русском троне расцветет свежее племя, которое, как сочное, ветвистое дерево, приготовит приют для потомства, устоит противу бурь, и под

тенью его будут мирно благоденствовать дети детей наших [42. Л. 44]).

Как показывают письма, Жуковский последовательно согласовывает свои с Мёрдером действия с государем и государыней, о чем он постоянно информирует коллегу. Укажем, прежде всего, на письмо императору Николаю I от сентября 1827 г., как известно, представляющее собой «Проект плана учения» великого князя Александра Николаевича, в котором, как отмечает В.С. Киселев, концептивно изложены «основные пункты “Плана учения...”» [39. С. 669]. В письме Жуковский представляет государю на согласование время начала своих лекций, порядок контроля за работой преподавателей, состав изучаемых дисциплин, последовательность занятий. По поводу того, «что нужно будет сделать для статистики и изучения прав», Жуковский намерен подать Николаю I «особенную записку» [Там же. С. 101, 669]. На утверждение Николаю I подавалась и рукопись «Плана учения...» (см. об этом подробнее: [Там же. С. 671–680]). Примеры можно продолжать. Отметим при этом, что Жуковский постоянно извещает Мёрдера о проведенном согласовании их действий с императором.

В письме императрице Александре Федоровне от 15/27 июня 1826 г. он обсуждает с ней важность религиозного воспитания великого князя и выбора «духовного лица», которое будет заниматься этим: «Нам нужен человек, который мог бы вполне разделять наш план. Религия не отдельная наука, которую изучают, как, например, математику; она не может быть рассматриваема только, как предмет *обучения*; она скорее служит *средством воспитания*, она должна входить во все, должна сливаться со всеми чувствами, со всеми мыслями, чтобы стать *жизненным правилом*, иначе влияние ее будет очень ничтожно. Все зависит от выбора учителя» [43. С. 17]. В письме от 18 (30) августа 1826 г., содержание которого Жуковский просил передать и императору, он хлопочет о высочайшем позволении остаться в Германии еще на год, в связи с чем представляет государыне ход «подготовительных работ», которыми он планировал заняться во время своего «пребывания, в качестве выздоравливающего, в Германии...: надо составить записки по истории, исторические картины и карты и генеалогические таблицы. Эта работа, сообразно с моим планом, должна обнять и соединить много различных предметов, потребует больших чтений и особенно много механического труда. Я надеюсь окончить все, что относится к древней истории, в продолжение тех месяцев, которые будут употреблены мною на отдых, а не на лечение. Покончив с этим, я посвящу свободные месяцы всему остальному, что имеет отношение к первому периоду обучения Его Высочества. Эта выгода неочевидна. В то же время, имея здесь под руками все, что необходимо для обучения, я мог бы составить полную коллекцию книг, карт, планов, гравюр и т.д.». Далее поэт описывает свои предложения об организации обучения великого князя в его отсутствие. «На все это я считаю своей обязанностью обратить внимание Вашего Императорского Величества. <...> я думаю, что исполняю долг совести, сообщая Вам по-

дробно мои соображения. Соболаговолите, всемило- стивейшая Государыня, почтить их своим вниманием; соболаговолите сообщить их Государю Императору. Я буду ждть в Дрездене Его Высочайшего решения, чтобы сообразоваться с ним без всякого промедления. <...> Осмеливаюсь просить Вас, всемило- стивейшая Государыня, сообщить мне приказания Его Величе- ства без промедления, дабы, если он найдет более удобным мое возвращение в Петербург, я мог немед- ленно отправиться в путь и прибыть к назначенному сроку на свой пост. <...> повторяю здесь свою покор- нейшую просьбу, которую уже повергал к стопам Вашего Императорского Величества...: чтобы до мое- го приезда ничто не было *ни изменено, ни увеличено, ни сокращено* в занятиях Его Высочества. Надо строго держаться раз принятого плана; всякая перемена по- вредит успехам в занятиях» [43. С. 40–41, 42, 43]. Об этих согласованиях поэт также извещает Мёрдера.

Установка Жуковского на глубоко продуманную системность образования и воспитания великого кня- зя – черта, безусловно, характеризующая отношение Жуковского к «святому делу», разделяемое и Мёрде- ром, с которым обсуждаются цели и задачи других учителей наследника⁴ и которого он постоянно про- сит в свое отсутствие держать под контролем все, что касается обучения будущего российского императора. Больше всего Жуковский беспокоится о строгом сле- довании в занятиях составленному и согласованному с императором и императрицей плану, о том, чтобы в его отсутствии «не было никакой перемены в мето- де», чтобы «не было никакой перемены в плане, чтобы наблюдалось в точности все то, что было прежде принято нами вообще за правило. Это значит, чтобы в занятия великого князя не введено было ничего но- вого, постороннего, а именно то, что назначено в нашем плане и совершенно в том порядке» [41. С. 324]. Единственное, что он допускает, так это пе- редача часов, положенных на его занятия, для заня- тий английским языком, ибо, в его представлении, «успехи в языках» – это основа образования: «вооб- ще, надобно стараться, чтобы в это время вели- кий князь поболее сделал успехов в языках. Это чрезвычайно облегчит наши будущие работы» [Там же. С. 324–325].

Не менее важным, чем планирование, Жуковскому представляется выбор учителей наследника престола. И это он также берет под личный контроль, позволяя себе обращаться напрямую к императрице с просьбой отложить выбор учителя до его возвращения, как это было в случае с учителем Закона Божьего (об этом поэт писал Александре Федоровне в письме от 15 (27) июня 1826 г.). Позднее, понимая, что отложить это дело невозможно, поскольку ему предстоит долгое лечение за границей, Жуковский обсуждает кандидатуру учи- теля с Мёрдером. В письме к нему от 1 (13) октября 1826 г. он рассказывает, что уже говорил об этом с императором и даже предложил ему свою кандидату- ру, отклонив выдвинутую Николаем I:

Теперь надобно сделать этот важный выбор без меня. Государь император изволил мне лично гово- рить об отце Петре, том священнике, который в по- следнее время был употреблен в крепости и так много

и благодетельно действовал⁵. Он человек достойный по твердому характеру, по уму и по сердцу. Но этого мало: нужно иметь при характере и большие сведенья по богословию. С этой стороны предпочтительнее отец Герасим Павский⁶. Он учился в Невской акаде- мии, где удостоен степени доктора богословия; был прежде 3-м священником в Казанском соборе; теперь священником в какой-то церкви на Васильевском ост- рове. Он прекрасный, почтенный человек, весьма учен и может хорошо учить. Не думаю, чтобы между нашими священниками можно было бы найти друго- го, более знающего. Характер его беспорочный. По- старайтесь с ним познакомиться лично, поговорить о плане и попросите его написать ко мне с изложе- нием этого плана [41. С. 325].

В этом же письме Жуковский представляет Мёр- деру учителя английского языка Альфрея (Альфри), с которым он тоже уже лично беседовал, и который ему представляется «человеком достойным». Полагаясь на рекомендации людей, которым он доверяет⁷, Жуков- ский в первую очередь желает увидеть в претенденте на высокую должность его способность быть «не про- стым учителем догматов», а «действовать на характер ...питомца», влиять на его душу и нравственность, делать их источником его деятельности.

Организуя лично воспитание и обучение будущего императора России, Жуковский берет на себя и фор- мирование фонда учебно-методических материалов и составление библиотеки наследника, также активно обсуждая это с Мёрдером в письмах и согласуя все свои действия в этих областях с государем и государ- ыней (напр., в письмах к императрице Александре Федоровне от 2/14 октября 1826 г. и 5/17 октября 1826 г.). Поэт уверен, что для реализации учебного плана понадобится очень многое: «книги, гравюры, карты, образцы для рисования и проч.» [41. С. 326]. Что же касается библиотеки, то Жуковский считает, что великому князю «нужно иметь свою особенную библиотеку, составленную из лучших книг (сообразно с планом его учения), из таких книг, которые должно будет читать и перечитывать, дабы чтением допол- нять учение в классах. Правда, теперь ему еще чи- тать нельзя и не должно; но чем далее вперед, тем нужнее книги. Надобно их иметь наготове (теперь более для нас, а со временем и для него)». В личной библиотеке наследника, по убеждению Жуковского, должны быть и изоиздания, прежде всего, собрания гравюр – «видов известных мест, древних и новых зданий, антиков, портреты, исторические гравюры и проч. и проч., весьма нужные для дополнения препо- даваемого в уроках, они удивительно врезаются в память преподаваемого, если ими пользоваться мето- дически и их показывать не вдруг, а по мере того, как учение будет делать их интересными; но их именно поэтому должно иметь под рукою» [Там же]. Как известно, именно Жуковский, полагаясь на свой опыт собирания книг и живописи, сформировал биб- лиотечный фонд наследника престола и его живопис- ные собрания, ныне хранящиеся в Эрмитаже. Под- черкнем лишь, что и этот вид деятельности Жуков- ский согласовывал с государем: «Прошу Вас предста- вить об этом важном предмете государю императору»,

пишет он Мёрдеру в этом же письме, при этом уже рассчитав сумму, которая понадобится на покупку книг [41].

Мотивируя свое активное участие в формировании круга чтения великого князя «на всю жизнь» («Он будет иметь тогда все главные книги во всех родах», уточняет поэт), Жуковский, конечно, пишет о финансовых выгодах, которые могут быть получены при покупке книг за границей. Но главное для него – это возможность все выбрать самому и «вдруг все, что нужно на время учения» [Там же. С. 327]. Под этим «все, что нужно» подразумеваются книги европейских авторов: немецких, французских, английских. Беря формирование личной библиотеки великого князя полностью на себя, Жуковский уверен, что знает, «что великому князю нужно теперь и что будет нужно после», и потому «может составить полную избранную библиотеку как учебных (книг), так и для чтения» [Там же]. Он считает необходимым посоветоваться в этом деле «с знающими людьми» лишь «об некоторых предметах, например, книгах военных» [Там же]. Жуковский просит Мёрдера, чтобы Жиль, Шамбо и Альфри тоже составили списки книг, которые «особенно могут быть нужны» для преподавания их предметов. «Пуškai и Зауервейд⁸ пришлет реестр того, что может быть годным по его особенной части. Остальное предоставляю на мой выбор: ненужного ничего не будет» [Там же]. Формируя личную библиотеку цесаревича, Жуковский не намерен ориентироваться на запреты цензуры: «само по себе разумеется, что в числе книг будут и такие, которые стоят в запретибельном реестре цензуры; это до нас касаться не должно» [Там же. С. 329]. Мёрдера Жуковский просит «наперед устроить, чтобы книги и все, что послано будет, не было ни остановлено, ни осматриваемо в таможене и цензуре» [Там же].

Особое внимание следует обратить на желание Жуковского снабдить своего воспитанника современными периодическими западными изданиями:

Я считаю необходимым подписаться и на многие политические и литературные журналы, ибо для нас необходимо знать все, что делается в Европе по части наук и что происходит в политическом свете, иначе мы от своего времени отстанем. На получение всех этих журналов надобно иметь высочайшее разрешение. Прошу Вас об этом позаботиться и наперед выхлопотать повеление, чтобы книги, доставляемые на имя государя императора, не были останавливаемы и тронуты в таможене и цензуре [41].

Заодно с организацией составления личной библиотеки великого князя Жуковский предлагает свои услуги в формировании личной библиотеки и великой княжны Марии Николаевны и просит Мёрдера переговорить об этом с ее наставницей Ю.Ф. Барановой.

Усматривая в воспитании, особенно в воспитании будущего российского монарха, один из основных проблемных вопросов времени, связанных с формированием национальной идентичности, Жуковский берет на себя преподавание великому князю таких дисциплин, как древняя история и древняя география. Гото-

ваясь к занятиям заранее, продумывая до мелочей методику обучения, Жуковский, по его словам, испытывает абсолютное счастье, составляемое личной удовлетворенностью делом, которым поэт занимается во имя общего блага:

Работаю теперь над древней историей и древней географией. Постараюсь в течение своей дрезденской жизни кончить и таблицы и исторические карты древней истории, также постараюсь приготовить и к тем урокам, которыми надобно мне будет заняться непосредственно по приезду моем в Петербург. Не могу Вам сказать, как меня все эти занятия – мирные, порядочные, обращенные к одному предмету – делают счастливым, как душа спокойна, довольна настоящим, и весело глядишь на будущее. Теперешнего положения своего не променяю ни на какое в жизни: то, что может быть человеку нужно в жизни, это иметь вполне деятельность! Счастлив тот, кто в своей деятельности видит и свою цель, для кого деятельность не есть только средство, не есть нечто постороннее, только ведущее к чему-то иному, чего надобно достигнуть, чтобы сказать себе: я счастлив. Нет, вне той жизни, в которой я теперь заключен со всеми своими желаниями и мыслями, я ничего не вижу. Лучшее для меня есть то, что имею теперь [41. С. 328].

Крайне важным Жуковский считает религиозное воспитание, имеющее особое значение для будущего русского государя. Выбор кандидатуры на пост учителя Закона Божьего Жуковский подробно обсуждает с императрицей Александрой Федоровной в письме от 15/27 июня 1826 г., в письме от 10 января 1827 г. к К.К. Мёрдеру поэт дает чрезвычайно высокую оценку законоучителю наследника Г.П. Павскому, которого он рекомендовал царю на эту должность:

В исполнении его системы виден человек честный, твердый, христианин в прекрасном смысле этого слова, он будет не простым учителем догматов, он будет действовать на характер нашего питомца, и в этом отношении он будет одним из главных действующих лиц в нашем воспитании. Я рад ему не как товарищу, но более как наставнику, с которым весело будет советоваться. Его религия не в его сане и одежде, а в его правилах, которыми руководствуется земля наша. Религия для всех одна: то же влияние, какое она имеет на скромную жизнь частного человека, должна она иметь и на высокую судьбу государя. Надобно, чтобы она вошла в душу, сделалась источником деятельности, осветила нравственность. Религия, в истинном смысле, друг просвещения, хранительница свободы, страж блага народного и частного. Она одна во все времена; она не противится нуждам времени; она явный враг притеснения, поощритель образования, не боится вести человека вперед, напротив, сама летит вперед, тем светильником просвещения, ибо чем более свету, тем яснее мысли нашего Павского и поблагодарил со слезами на глазах Бога за то, что он приблизил такого человека к душе нашего расцветающего наследника России [41. С. 329].

В заключении своей оценки поэт подчеркивает основополагающую роль связи религии и просвещения, веры и внутренней свободы верующего человека, веры и блага народа.

Наконец, письма поэта к Мёрдеру позволяют поставить еще один вопрос в рамках исследования институциональности педагогической деятельности Жуковского во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. – о формировании им отношения современников к их с Мёрдером деятельности в области воспитания наследника русского престола и к ее влиянию на развитие коммуникации культуры, литературы, в частности, с властью.

Жуковский выступил здесь не только организатором обучения и воспитания великого князя Александра Николаевича⁹, но и мощной консолидирующей силой, собравшей вокруг себя талантливых педагогов, сумевшей объединить их своими идеями, «общим святым делом». Он находится в постоянной переписке с учителем немецкого языка И.П. Шамбо, учителем французского языка и исторической географии Ф.А. Жиллем, законоучителем Г.П. Павским и др., знакомит их с письмами, полученными от участников проекта, передает им друг через друга «крепкие рукопожатия», напоминает о своих оставшихся не отвеченными письмах, планирует их работу, обеспечивает их нужной литературой. Жуковский постоянно подчеркивает свое единомыслие не только с Мёрдером, но и со всеми остальными участниками его проекта. Так, напр., он пишет Мёрдеру о Жилле:

Скажите другу Жиллю, что я буду подробно отвечать на письмо его и сообщу ему свои мысли, хотя, впрочем, не почитаю моего руководства для него необходимым, ибо мы совершенно понимаем друг друга, и он в своем письме выразил слово в слово то, что я сам думаю и думал [41. С. 325].

Примечательно стремление Жуковского вовлечь в «общее дело» как можно больше людей. Он постоянно обращается за помощью в организации учебного процесса наследника престола, в организации помощи его учителям и т.д. Так в письме Мёрдеру от 29 декабря 1826 г. он пишет:

Другая просьба: нам нужно составить минералогический кабинет. Хорошо, когда бы это было сделано прежде моего прибытия. Поручите это г. Шемьоту⁶, к которому я писал, чтобы он к вам адресовался⁷. Нужно будет ему доставить для этого способы; он на этот счет с вами объяснится. Ваше дело, чтобы труд его не остался ему без пользы. Пускай соберет кабинет и держит у себя до моего приезда. Когда возвращусь, приведем в порядок [Там же. С. 331].

А.М. Миклашевскому он поручает передать Мёрдеру каталог книг «по части теологической» для Павского. П.Н. Игнатьева он просит передать деньги, пожалованные по ходатайству Жуковского императором Мёрдеру на лечение, и т.д.

Кроме того, Жуковский организовал вокруг своей педагогической деятельности, направленной на воспитание будущего русского царя, мощное поле обсуждения выдвигаемых и реализуемых им идей, формируя, с определенными ограничениями, конечно, общественное мнение по этому поводу. Поэт активно

делится своими мыслями о воспитании наследника престола, описывает педагогические практики, применяемые в его обучении, в письмах не только непосредственным участникам обучения великого князя, но и своим друзьям, знакомым, среди которых, как известно, было очень много весьма влиятельных лиц.

Итак, на материале писем первого русского поэта-романтика В.А. Жуковского к К.К. Мёрдеру 1826–1833 гг. мы проследили стратегии поведения писателя в области «придворной педагогики», выявили инструменты и функции социальной влиятельности поэта, выступившего в сложнейшую для России постдекабристскую эпоху идеологом и практиком образования и воспитания будущего русского императора Александра II. Он действует в рамках логики просвещенного абсолютизма, беря на себя подготовку для России нового типа властителя, стремясь таким образом повлиять на политику государства не только в отношении культуры, но шире – в отношении комплекса насущных проблем страны, пережившей восстание декабристов и его поражение. При всем социально-историческом утопизме идей Жуковского следует признать, что его действия имели большую силу в формировании настроений современного ему российского общества. Они отражали, прежде всего, устремления интеллектуальной элиты, которая рассматривала себя как важнейшего агента модернизации и европеизации страны и видела свою задачу в усвоении европейского образа жизни, включая его социальные, экономические, мировоззренческие, моральные и эстетические нормы. Желая изменений существующего порядка, но при этом отрицая революционный путь, поэт рассчитывает на постепенные реформы, проводимые по инициативе и при поддержке сверху. Отсюда его стремление войти в круг доверенных лиц власти, которые могут влиять на нее и даже формировать ее лидеров. Одновременно Жуковский стремится развить «росток» общественного мнения по поводу его идеологии, консолидируя с этой целью многие лица в разных сферах своей деятельности, в частности в области придворной педагогики.

В результате Жуковскому была поручена организация воспитания наследника престола и он получил возможность реализации идей своей «придворной педагогики», вокруг него был создан ореол придворного поэта, имеющего влияние на членов царской семьи, ему оказывалась постоянная финансовая поддержка императора. Письма поэта к Мёрдеру демонстрируют определенное сходство в идеологических позициях, направлениях практической педагогики Жуковского с государством, которое вполне лояльно относится к попыткам поэта содействовать усилиям власти, и не только с помощью его творчества, но и его педагогической деятельности. Однако при этом напомним лишь об одном факте: наиболее острые свои статьи 1840-х гг., касающиеся вопросов воспитания, идеального образа русского монарха, его внешней и внутренней политики, издать воспитателю цесаревича не удалось. Так что вопрос о том, насколько Жуковский, выступающий независимым союзником власти, нужен был лояльной к нему власти – сложный, требующий специального внимания ученых.

Завершая статью, подчеркнем другое: значение и плодотворность изучения педагогической деятельности выдающегося русского поэта. Оно, во-первых, позволяет увидеть, что литература – это не только система текстов, но и специфический социальный институт, организующий воспроизводство и функционирование культуры. Во-вторых, исследование вносит свой вклад в системное описание места и роли В.А. Жуковского в развитии институтов русской литературы первой половины XIX в. Роль Жуковского в формировании литературных институций огромна: он, продолжая начинания Карамзина, смог превратить

словесность в силу большого социального влияния, не только идейного, но и организационного. Регулирование литературы со стороны общества благодаря усилиям Жуковского сместилось в сторону регулирования общества литературой. Рассмотренные письма поэта к Мёрдеру открывают, в частности, важные страницы в истории «придворной педагогики», реализуемой русским писателем-классиком. Наконец, изучение деятельности Жуковского-педагога позволяет приблизиться к созданию полной научной биографии Жуковского и традиции, в которую он вписывается как писатель-педагог.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поздним педагогическим опытом Жуковского также посвящен ряд работ: [24–27].

² Тема «царской педагогики» Жуковского поднималась и в научной литературе, посвященной придворной жизни Российской империи XIX в. См., напр.: [28–30].

³ Жуковский неоднократно упоминает в дневнике о своих встречах и разговорах с Мёрдером, фиксирует отправку писем к нему и получение ответных (см. записи от 25 апреля 1827 г., 30 октября 1831 г., июня 1832 г., 11, 12 января, 1, 4 февраля, 2, 10, 14, 30 марта, 22 июня, 2 августа 1833 г.) (см.: [33]).

⁴ Так, напр., подробнейшее письмо было написано Жуковским в октябре 1826 г. учителю французского языка и исторической географии Ф.А. Жиллю. В нем приводился полный план обучения по периодам и классам, с перечислением предметов, видов деятельности учителя и обучающегося и определением их места в общей образовательно-воспитательной системе, с описанием метода и способов обучения, с анализом пройденного и планами на ближайшее время, с рекомендацией литературы, с советами по обустройству минералогического кабинета и с просьбой к Жиллю вести дневник занятий и отправлять его ежемесячно Жуковскому. По содержанию этот план близок к «Плану учения Его Императорского Высочества Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича», представленного к утверждению Николаю I.

⁵ Имеется в виду Петр Николаевич Мысловский (177–1846), протоиерей Казанского собора в Санкт-Петербурге, духовник многих декабристов.

⁶ Павский Герасим Петрович (1787–1863), протоиерей, филолог, богослов, профессор Петербургского университета.

⁷ В случае с Алфри, кроме рекомендации англичанина, лейб-медика при дворе Николая, почетного члена Московского университета, почетного члена Физико-медицинского общества В.П. Крейтона, была еще рекомендация «английского пастора», служащего в Петербурге, Иоганна фон Муральта (1780–1850), педагога, последователя системы Песталоцци: «Учитель готов: Альфри, с которым я уже говорил и которого весьма рекомендуют Крейтон и английский пастор в Петербурге» [41. С. 326].

⁸ Зауервейд Александр Иванович (1783–1844), профессор батальной живописи, преподавал наследнику рисование.

⁹ Так, напр., в письме от 29 декабря 1826 г. он пишет Мёрдеру: «прошу Вас немедленно сообщить адрес, который бы я мог сделать на ящиках, в которых будут книги. Вы получите два транспорта, один из Берлина с книгами немецкими, другой из Парижа с французскими и английскими. Также и о разрешении на журналы позаботьтесь и уведомите, по какому адресу они должны доставляться. Прошу Вас об этом немедленно подумать и списаться со мною, дабы по приезде в Берлин я уже знал адрес и все мог устроить до моего отъезда в Париж. Эта поездка в Париж меня радует» [41. С. 331]. Ниже он дает столь же четкие распоряжения насчет книг для Г.П. Павского и формирования минералогического кабинета для наследника престола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загарин П. В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883. С. 405–410.
2. Миллер О.Ф. В.А. Жуковский как человек и как наставник Императора Александра II. М., 1883. 28 с.
3. Кирпичников А.И. В.А. Жуковский как поэт-воспитатель // Вестник воспитания. 1902. № 4. С. 1–14.
4. Красногородцев А.В. Педагогические взгляды Жуковского (1852–1902): В память пятидесятилетия со дня смерти поэта. СПб., 1902. 24 с.
5. Степанов Н.П. 1852–1902. В.А. Жуковский как наставник Царя-Освободителя. СПб., 1902. 94 с.
6. Ромашков Д., свящ. Взгляд В.А. Жуковского на задачу и цель воспитания. М., 1905. 30 с.
7. Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника престола // Русское подвижничество. М.: Наука, 1996. С. 187–222.
8. Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000. 47 с.
9. Симиновский П.М., Тебнев Б.К. Образование для добродетели. Педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003. 160 с.
10. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3: материалы междунар. конф., посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 199–228.
11. Ребеккини Д. В.А. Жуковский и библиотека престолонаследника Александра Николаевича (1828–1837) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 2. С. 77–136.
12. Rebecchini D., Vassena R. Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930. Milano, 2014. P. 99–116.
13. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В.А. Жуковского и их практическое значение // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 238–257.
14. Жилиякова Э.М., Киселев В.С. «План учения наследника... цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета 2014. № 6 (32). С. 129–132.
15. Гузаиров Т. Учебные пособия В.А. Жуковского по истории // Статьи на случай. Сборник в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf (дата обращения: 20.08.2019).
16. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Вильегорского. М., 1999. 557 с.
17. Долгушин Д.В. Неизданный конспект В.А. Жуковского по истории // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 232–238.
18. Долгушин Д. Придворный локус и авторефлексия русской литературы к. XVIII – перв. пол. XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 361–373.

19. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и протоиерей Герасим Павский: у истоков школьного преподавания библейской истории в России // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования : материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений. Новосибирск, 2016. Вып. 3. С. 73–95.
20. Айзикова И.А. «Библейские повести» В.А. Жуковского // Русская литература и религия. Новосибирск : Наука, 1997. С. 85–94.
21. Айзикова И.А. Неопубликованная проза Жуковского (Из тетрадей, составленных для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной). Публикация и научный комментарий // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. 2003. № 277. С. 121–124.
22. Айзикова И.А. Сюжеты и нарратив переводных сказок В.А. Жуковского // Нарративные традиции славянских литератур: Повествовательные формы Средневековья и Нового времени : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 184–203.
23. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : ТГУ, 2004. 404 с.
24. Добровольская Е.Б. «Это педагогическая поэма». В.А. Жуковский – воспитатель своих детей // В.А. Жуковский и русская культура : сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 182–195.
25. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика 2014. № 1. С. 87–124.
26. Долгушин Д.В. Иконическая и словесная репрезентация текста в «Живописной Священной истории» В.А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 5–72.
27. Долгушин Д.В. Педагогическая поэма В.А. Жуковского // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
28. Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011. 576 с.
29. Подделкова П.Е. Культурное пространство воспитания монарха в императорской России : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. 193 с.
30. Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016). 311 с.
31. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (дата обращения: 31. 08.2019).
32. Подделкова П.Е. Первый воспитатель великого князя Александра Николаевича, Карл Карлович Мердер // Молодежь. Наука. Инновации : труды II междунар. науч.-практ. интернет-конференции / под ред. Г.К. Сафаралиева, А.Н. Андреева, В.А. Казакова. Пенза: Изд-во Пензенского филиала РГУИТИ, 2010–2011. 607 с. URL: http://mgutupenza.ru/mni/index.php?view=themes&data=parts_view&id=23 (дата обращения: 31. 08.2019).
33. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М. : Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
34. Русский архив. 1873. Кн. 1. Стлб. XII (франц. текст), стб. XXIII (русский перевод).
35. Жуковский В. Сочинения: С прилож. писем, биографии / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. 688 с.
36. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.
37. Северная пчела. 1834. № 101. С. 401–402.
38. Стихотворения Василия Жуковского: в 13 т. 5-е изд. СПб., 1857. Т. 13. С. 151–156.
39. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11. Первый полутом: Проза 1810–1840-х годов. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 1047 с.
40. Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 85–102.
41. Жизнь: Литературный, научный и политический журнал. Т. 15. Кн. 3. № 9. Март. СПб., 1898.
42. РО ИРЛИ. Ф. 184 (Б.Л. Модзалевского). Оп. 1. № 154/1.
43. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб., 1907–1909. Вып. 1. Отд первый. VI, 213 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 сентября 2019 г.

Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-Up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/448/1

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; K.K. Merder; Grand Prince Alexander Nikolaevich; pedagogical activity of Romanticist poet.

The aim of the article is to analyse the first Russian Romanticist poet Vasily Zhukovsky's strategy of behavior in the sphere of "court pedagogy", tools and functions of his social influence. In the post-Decembrist epoch, most difficult for Russia, Zhukovsky acted as the ideologist and the practitioner of education and bringing-up of future Russian Emperor Alexander II. This research problem is revealed on the archival material of Zhukovsky's letters of 1826–1833 to Karl Merder, his colleague in bringing up the then Grand Duke Alexander Nikolaevich. The research is interdisciplinary, bringing together literary studies (in particular, historical, literary and textual approaches), sociology of literature and culture. Zhukovsky's letters to Merder, which required scientific research in connection with their dating and immersion in the context of the epistolary and other poet's works, are also considered through the prism of the author's relations with the contemporary sociocultural environment. The study showed that the poet acted in the enlightened autocracy logic taking upon himself a mission to bring up a new type of ruler for Russia and, in this way, influencing the government policy in solving urgent problems of the country. With his social-historical utopian ideas, Zhukovsky is to be recognized as a man greatly influencing the shape of views in the Russian society of the time and reflecting, first of all, aspirations of intellectuals who considered themselves to be crucial agents in the modernization and Europeanization processes in Russia. With a desire to change the existing order and power, but denying a revolutionary way, the poet looked forward to the gradual reforms launched and supported by the government. Consequently, the poet strove to become a confidant for the supreme power who can influence it and shape its image. At the same time, Zhukovsky tried to grow a "sprout" of public opinion regarding his ideology and, for this purpose, united a number of people in various spheres of his activity, for example, in the sphere of court teaching. Based on the results of the study of Zhukovsky's pedagogical activity, the author comes to conclusions concerning the methodological, historical, literary and sociocultural significance of this kind of research. It allows recognizing that literature is a specific social institution that organizes reproduction and functioning of culture. Research contributes to the systematic description of Zhukovsky's place and role in the development of Russian literature of the second half of the 19th century. The considered poet's letters to Merder discover, in particular, important pages in the history of court teaching performed by the Russian writers. Finally, the study of Zhukovsky's activity as a teacher helps in the creation of a complete academic Zhukovsky's biography and tradition he is part of as a writer and educator.

REFERENCES

- Zagarin, P. (1883) *V.A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya* [V.A. Zhukovsky and His Works]. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova i K^o. pp. 405–410.
- Miller, O.F. (1883) *V.A. Zhukovskiy kak chelovek i kak nastavnik Imperatora Aleksandra II* [V.A. Zhukovsky as a Person and as a Mentor of the Emperor Alexander II]. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova i K^o.
- Kirpichnikov, A.I. (1902) *V.A. Zhukovskiy kak poet-vospitatel'* [V.A. Zhukovsky as a poet-educator]. *Vestnik vospitaniya*. 4. pp. 1–14.
- Krasnородtsev, A.V. (1902) *Pedagogicheskie vzglyady Zhukovskogo (1852–1902): V pamyat' pyatidesyatiletiya so dnya smerti poeta* [Pedagogical Views of Zhukovsky (1852–1902): In memory of the fiftieth anniversary of the poet's death]. St. Petersburg: Izdatel'stvo knizhnogo sklada L.M. Shakh-Paroniantsa.
- Stepanov, N.P. (1902) *1852–1902. V.A. Zhukovskiy kak nastavnik Tsarya-Osvoboditelya* [1852–1902. V.A. Zhukovsky as a mentor to the Tsar-Liberator]. St. Petersburg: V. D. Smirnov.
- Romashkov, D. (1905) *Vzglyad V.A. Zhukovskogo na zadachu i tsel' vospitaniya* [V.A. Zhukovsky's View on the Task and Purpose of Education]. Moscow: tipografiya Shtaba Moskovskogo voennogo okruga.
- Shmidt, S.O. (1996) *Podvig nastavnichestva. V.A. Zhukovskiy – nastavnik naslednika prestola* [The feat of mentoring. V.A. Zhukovsky as a mentor to the heir to the throne]. In: Knyazevskaya, T.B. (ed.) *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Asceticism]. Moscow: Nauka. pp. 187–222.
- Shmidt, S.O. (2000) *Vasiliiy Andreevich Zhukovskiy – velikiy russkiy pedagog* [Vasily Andreevich Zhukovsky: A great Russian educator]. Moscow: Izdatel'stvo URAO.
- Siminovskiy, P.M. & Tebiev, B.K. (2003) *Obrazovanie dlya dobrodeteli. Pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' V.A. Zhukovskogo* [Education for Virtue. Pedagogical views and activities of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Mezhdunarodnaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya.
- Kiseleva, L.N. (2004) [Zhukovsky as a teacher of the Russian language (the beginning of “Tsarist pedagogy”)]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 220th anniversary of V.A. Zhukovsky and 200th anniversary of F.I. Tyutchev. Tartu: University of Tartu. pp. 199–228.
- Rebekkini, D. (2013) *V.A. Zhukovskiy i biblioteka prestolonaslednika Aleksandra Nikolaevicha (1828–1837)* [V.A. Zhukovsky and the library of the heir to the throne Alexander Nikolayevich (1828–1837)]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–136.
- Rebecchini, D. & Vassena, R. (2014) Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838). In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930*. Milan: University of Milan. pp. 99–116.
- Rebekkini, D. (2017) *Mir simvolov: mnemonicheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie* [World of characters: mnemonic tables of V.A. Zhukovsky and their practical significance]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.
- Zhilyakova, E.M. & Kiselev, V.S. (2014) “Plan of the education . . . of Tsarevich Alexander Nikolaevich” in the context of V.A. Zhukovsky's pedagogical legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 6 (32). pp. 129–132. (In Russian).
- Guzairov, T. (2013) *Uchebnye posobiya V.A. Zhukovskogo po istorii* [History textbooks by V.A. Zhukovsky]. In: *Stat'i na sluchay. Sbornik v chest' 50-letiya R.G. Leybova* [The Articles in Case. A collection in honor of the 50th anniversary of R.G. Leibov]. [Online]. Available from: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf. (Accessed: 20. 08.2019).
- Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (1999) “*Bednyy Zhozef*”: *Zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo: Opyt biografii cheloveka 1830-kh godov* [“Poor Joseph”: The Life and Death of Joseph Vielgorsky: The experience of the biography of a 1830s person]. *Yazyki russkoy kul'tury*.
- Dolgushin, D.V. (2012) Unpublished notes on history of V. A. Zhukovsky. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 12 (11). pp. 232–238. (In Russian).
- Dolgushin, D. (2015) *Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury k. XVIII – perv. pol. XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev* [The court locus and autoreflexion of Russian literature of late 18th – the first half of the 19th century: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Petr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. pp. 361–373.
- Dolgushin, D.V. (2016) *V.A. Zhukovsky and archipriest Gerasim Pavskiy: the fountains of teaching Bible history in Russian schools. Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya – Spiritual and Moral Foundations of Russian Culture and Education*. 3. pp. 73–95. (In Russian).
- Ayzikova, I.A. (1997) “Bibleyskie povesti” V.A. Zhukovskogo [“Biblical Tales” by V.A. Zhukovsky]. In: Gryubel', R. & Odinkov, V. (eds) *Russkaya literatura i religiya* [Russian Literature and Religion]. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–94.
- Ayzikova, I.A. (2003) Unpublished Prose of Zhukovsky (From Notebooks Made up for the Teaching of the Grand Duchess Alexandra Fedorovna). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 277. pp. 121–124. (In Russian).
- Ayzikova, I.A. (2009) *Syuzhety i narrativ perevodnykh skazok V.A. Zhukovskogo* [Plots and narrative of V.A. Zhukovsky's translated fairy tales]. In: Romodanovskaya, E.K. & Silant'ev, I.V. (eds) *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: Povestvovatel'nye formy Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Narrative traditions of Slavic Literatures: Narrative forms of the Middle Ages and the Modern Age]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 184–203.
- Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [Genre-style prose system of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University.
- Dobrovol'skaya, E.B. (2005) “Eto pedagogicheskaya poema”. *V.A. Zhukovskiy – vospitatel' svoikh detey* [“This is a pedagogical poem”. V.A. Zhukovsky – the educator of his children]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *V.A. Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [V.A. Zhukovsky and Russian Culture]. St. Petersburg: Vserossiyskiy muzey A. S. Pushkina. pp. 182–195.
- Nikonova, N.E. (2014) *V.A. Zhukovsky as the coeval of the pedagogic epoch in Germany: German literature about upbringing and artistic pursuits of the poet in 1840-1850. Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 87–124. (In Russian). DOI 10.17223/24099554/1/7
- Dolgushin, D.V. (2015) Icon and verbal re-presentation of text in “Picturesque Sacred History” by V.A. Zhukovsky. *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya – Spiritual and Moral Foundations of Russian Culture and Education*. Vol. 3. pp. 5–72. (In Russian).
- Dolgushin, D.V. (2018) The “Pedagogical poem” of V. Zhukovsky (on unpublished materials). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/62/7
- Zimin, I.V. (2011) *Detskiy mir imperatorskikh rezidentsiy. Byt monarkhov i ikh okruzhenie* [Children's World of Imperial Residences. Everyday life of monarchs and their surroundings]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Poddelkova, P.E. (2015) *Kul'turnoe prostranstvo vospitaniya monarkha v imperatorskoy Rossii* [The cultural space of the education of the monarch in imperial Russia]. *Culturology Cand. Diss*. St. Petersburg.
- Sidorova, A.N. (2016) *Vospitanie velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoy deyatel'nosti)* [The upbringing of the great princes in the families of emperors Nicholas I and Alexander II (preparation for state activity)]. *History Cand. Diss*. Moscow.
- Literatura i Zhizn'. (n.d.) *Son yunosti. Vospominaniya velikoy knyazhny Ol'gi Nikolaevny. 1825–1846* [The Dream of Youth. Memoirs of Grand Princess Olga Nikolaevna. 1825–1846]. [Online]. Available from: http://dugward.ru/library/olga_nick.html. (Accessed: 31. 08.2019).
- Poddelkova, P.E. (2010-2011) [The first teacher of the Grand Duke Alexander Nikolaevich, Karl Karlovich Merder]. *Molodezh'. Nauka. Innovatsii* [Youth. Science. Innovations]. Proceedings of the II International Web-Conference. Penza. November 2010. Penza: Penza Branch of Rus-

sian State University of Innovative Technologies and Entrepreneurship. [Online]. Available from: http://mgutupenza.ru/mni/index.php?view=themes&data=parts_view&id=23. (Accessed: 31. 08.2019).

33. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
34. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. (1873) Book 1. Column XII (French text), column XXIII (Russian Translation).
35. Zhukovskiy, V. (1878) *Sochineniya: S prilozh. pisem, biografii* [Works: With letters and biography]. 7th ed. Vol. 6. St. Petersburg.: I.I. Glazunov.
36. Zhukovskiy, V.A. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [V.A. Zhukovsky's letters to A.I. Turgenev]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
37. *Severnaya pchela* (1834) 101. pp. 401–402.
38. Zhukovskiy, V.A. (1857) *Stikhotvoreniya Vasiliya Zhukovskogo* [Vasily Zhukovsky's poems]. 5th ed. Vol. 13. St. Petersburg: Pridvornaya tipografiya V. Gaspera v Karlsruhe. pp. 151–156.
39. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 11. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
40. Martin, A. (1998) "Vospominanie" i "prorochestvo": vzniknoenie konservativnoy ideologii v Rossii v epokhu napoleonovskikh voyn i "Svyashchennogo soyuza" ["Remembrance" and "prophecy": the emergence of conservative ideology in Russia in the era of the Napoleonic Wars and the "Holy Alliance"]. In: Rakhshmir, P.Yu. (ed.) *Istoricheskie metamorfozy konservatizma* [Historical metamorphoses of conservatism]. Perm: Perm State University. pp. 85–102.
41. *Zhizn': Literaturnyy, nauchnyy i politicheskiy zhurnal*. (1898) 15. 3 (9). St. Petersburg.
42. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. Fund 184 (B.L. Modzalevskiy). List 1. File 154/1.
43. Veselovskiy, A.N. & Sobolevskiy, A.I. (eds) (1907–1909) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. 1 (1): VI. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Received: 25 September 2019